

Ю.Д.Анчабадзе

Симон Петрович Басария: педагог, этнограф, краевед

Симон Петрович Басария принадлежит к числу выдающихся политических и культурных деятелей Абхазии прошлого столетия. Являясь представителем первого поколения молодой абхазской интеллигенции, своей жизнью и деятельностью он олицетворял ее лучшие черты. Басария был человеком высочайшей культуры, высокопрофессиональным специалистом, поборником прогресса, просвещения, либерально-демократических идей. В то же время он сохранял близкую связь с народом, кровно ощущал свое неразрывное единство с родной историей и культурой. Национальное мироощущение всегда оставалось важнейшей константой его самоидентификации и во многом определило жизненный путь и практическую деятельность Басарии.

Симон Петрович родился 8 декабря 1884 г. в крестьянской семье в с. Кутол Кодорского участка Абхазии, именованной тогда Сухумским военным округом¹. Десятилетним мальчиком Симона определили в церковноприходскую школу, находившуюся в соседнем селе Бедиа. Затем он учился в Сухумской горской школе, а после ее окончания в 1897 г. как лучший ученик был направлен в Горийскую духовную семинарию, которую окончил в 1902 г.

Однако священническая стезя не увлекала молодого человека, хотя мысль о практической деятельности на ниве духовного просвещения народа никогда не была для него чуждой. Поэтому он с радостью принял предложение от руководства Кавказского учебного округа отправиться учительствовать в какое-нибудь отдаленное селение. Выбор пал на черкесский аул Касиевский в Кубанской области, где молодой педагог знакомил местных детишек с русским языком и азами географии. В 1903 г. Басария был переведен в Армавирское высшее начальное училище.

В дальнейшем его педагогическая деятельность протекала в других районах Северного Кавказа, где он в основном препода-

вал в национальных классах для горских детей — черкесов, абазин и др.

Пребывание на Северном Кавказе — весьма знаменательный период в жизни Симона Петровича. Он углубленно занимался самообразованием, много читал, посещал различные учебные курсы, в том числе и в других городах края, выезжал, например, для этого в Анапу, а в 1908—1909 гг. находился в Москве, где посещал классы Общества по распространению технических знаний. В 1910 г. этим же Обществом он был направлен за границу для изучения постановки начального образования. Басария побывал в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии и Италии. В дальнейшем ему довелось побывать в Турции. Немало поездил он и по России, особенно по Кавказу. «Прожив на Северном Кавказе 15 лет, — писал он о себе впоследствии, — знаю почти все аулы Кубанской области».

Приобретенный жизненный опыт, глубокие раздумья над многими социальными реалиями современного ему быта и, видимо, подспудное стремление к писательству заставили его взяться за перо. К 1910 г. относится начало литературной и научной деятельности Басарии.

Находясь вдали от Абхазии, свою первую печатную работу Симон Петрович посвятил именно родному краю, который беззаветно и преданно любил. В 1910 г. в екатеринодарском журнале «На Кавказе» появилась его статья «Забывтый край», посвященная 100-летию присоединения Абхазии к России². Автор сетует, что Абхазия и ее народ мало известны русской читающей публике, между тем «это один из древнейших народов Кавказа, выстрадавший в своем историческом прошлом немало и сохранивший, каким-то чудом, свою индивидуальность»³. В кратких сведениях из исторического прошлого Абхазии Басария пытается обрисовать основные вехи политического развития края до прихода туда русских. И далее он с болью пишет о нужде и лишениях абхазского народа, потерявшего свои земли, отнятые под поселения колонистов, не имеющего полноценной медицинской помощи, стремящегося к образованию, но оставленного без попечения властей. Басария говорит о нравственных страданиях абхазов, незаслуженно названных царским правительством «виновным населением» якобы за «измену» во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.⁴.

Басария и в дальнейшем немало писал об отчей земле. Однако его научные и литературные интересы тех лет были гораздо шире. 1910-е годы стали временем активного творчества для начинающего исследователя. Он печатается в кавказских изданиях, таких, как «Кавказский край», «Утро Кавказа», «Отклики Кавка-

за», «Кубанский край», «Кубанская школа», посылает свои корреспонденции на родину, где их охотно публикует газета «Сухумский вестник»; Басария был активным сотрудником и другой черноморской газеты — «Батумский вестник». Свои материалы молодой автор часто подписывал псевдонимами Симон Апсуа (т.е. Симон Абхазец) или Махаид Апсуа, используя в качестве имени старинный абхазский антропоним.

Темы его корреспонденций были самыми разнообразными. В статье «Горцы Кавказа в Турции» он коснулся судеб кавказских переселенцев-махаджиров в Османской империи. Много внимания он уделял вопросам просвещения кавказских горцев («Несколько слов о нормальных аульных школах», «Бегство учителей», «Школьная жизнь» и др.), обобщению и популяризации опыта видных педагогов — С.Г.Алферова, А.И.Измайлова, И.В.Долгова, которому посвятил прочувствованный некролог. Понимая важность налаживания внутрирегиональных путей сообщения для интенсификации культурных процессов на Кавказе, Басария выступал горячим сторонником строительства Черноморской железной дороги («О Черноморской железной дороге», «Как обстоит вопрос о Сухумско-Кубанской железной дороге у нас?»).

Неизменным объектом его литературно-публицистического творчества была родная Абхазия. «Какой рой мыслей возникает при приближении к Абхазии!» — восклицал он в статье «Опять в Абхазии»⁵. Его корреспонденции проникнуты неустанными думами о лучшей доле для отчей земли и ее жителей, надеждами на грядущие позитивные изменения. Предметом его беспокойств были состояние врачебного дела в крае, неразвитость школьной сети, неблагоустроенность социальной сферы. Басария довольно резко нападал на местные власти, обвиняя их в халатном бездействии, равнодушии к нуждам коренного населения, «полицейском разгуле». «Абхазия — это долина слез, — писал он. — Абхазцы всегда вне правительственной помощи; мольбы и плач этого народа не идут далее канцелярии начальников участков»⁶.

Дальнейшие события помогли Симону Петровичу принять участие в реализации чаяний своего народа не только на ниве печатного слова. В начале 1917 г. он возвращается в Абхазию, охваченную бурными политическими страстями, последовавшими, как и во всей стране, вслед за февральским падением самодержавия. Понимая, что Абхазия переживает переломный этап своего исторического бытия, Басария активно включается в политическую деятельность и становится одной из самых видных и деятельных фигур, тем более что к этому времени был уже хорошо известен на родине и пользовался там значительным авторитетом.

В условиях крушения старого порядка важнейшей исторической задачей, вставшей перед Абхазией, стали поиски путей дальнейшего самоопределения. Первоначально будущая Абхазия виделась в качестве автономной единицы в составе Российской демократической республики в тех формах национально-государственного устройства, которые должны были быть конституированы Учредительным собранием. Однако к тому времени стало очевидным стремление также искавшей политического самоопределения Грузии включить Абхазию в свои государственные пределы. Басария выступил решительным противником этой перспективы.

Первым шагом по дистанцированию от Грузии стали события 8—10 августа 1917 г., произошедшие на Всеабхазском съезде мирян и духовенства. К тому времени грузинские священники на своем съезде в мае 1917 г. провозгласили восстановление автокефалии Грузинской православной церкви, ликвидированной после присоединения Грузии к России в 1801 г. Определяя пределы своей канонической территории, грузинское духовенство заявило о своих претензиях окормлять и абхазские приходы. Это вызвало протесты в Абхазии и сделало необходимым созыв специального съезда мирян и духовенства, который должен был рассмотреть сложившуюся ситуацию.

Заседания съезда проходили при непосредственном участии Басарии, который вместе со своими сторонниками выдвинул идею об автокефалии Абхазской церкви⁷. Представители грузинского духовенства, также принимавшие участие в работе съезда, пытались противодействовать нежелательному для них повороту дебатов, причем временами казалось, что они уже близки к победе, особенно в период наиболее трагического накала событий, когда самурзаканские⁸ священники заявили, что в случае разрыва абхазских приходов с грузинской церковью они останутся в каноническом подчинении Тифлиса. Неоднократные выступления Басарии сумели переломить общее настроение, и съезд в конце концов принял декларацию, составленную в его редакции.

Одновременно Басария и его единомышленники начали деятельную подготовку к съезду абхазского народа, решения которого, по планам Симона Петровича, должны были декларировать и институировать политическую самостоятельность Абхазии. Басария провел напряженную подготовительную работу, разъезжая по абхазским селам и выступая на общинных сходах, выбиравших делегатов на съезд. В народной памяти осталось особенно яркое и эмоциональное выступление Симона Петровича в селе Лыхны, куда собрались представители многих сел Гудаутского участка.

Всеабхазский съезд начал свою работу в Сухуме 8 ноября. В числе его делегатов были не только абхазы, в зале присутство-

вали полномочные представители от всех этнических групп, проживавших в Абхазии. На съезде выступил Басария, который зачитал составленный им проект Декларации съезда, объявлявшей Абхазию свободно самоопределяющейся территорией. «Абхазский народ, как и все другие народы Российской республики, — говорилось в Декларации, — видит в революции прежде всего свободу национального самоопределения»⁹. Декларация констатировала, что «Абхазия, насчитывающая тысячелетнюю историю и имеющая огромные особенности в строении своей жизни, должна иметь такую национально-политическую организацию, которая, объединяя абхазский народ, выражала бы волю большинства и стояла на страже его интересов».

Такой организацией Декларация объявляла Абхазский народный совет (АНС). Делегатам была представлена Конституция АНС, в которой определялись его полномочия, задачи и функции. Являясь «представителем и выразителем воли абхазского народа», АНС считал своей задачей защиту его «национальных и культурно-экономических интересов и политических прав», должен был проводить «подготовительные работы по самоопределению абхазского народа», заниматься текущими вопросами, «требующими проявления воли абхазского народа». Конституция АНС признавала власть и административную компетенцию Окружного комиссариата, однако оговаривала, что работа и деятельность административных учреждений «должны протекать с АНС в интересах достижения плодотворных результатов». Этим Басария и его сторонники явно стремились придать Абхазскому народному совету парламентские функции.

Декларация и Конституция были приняты делегатами съезда, а на состоявшихся выборах руководящих органов АНС С.П.Басария был избран его председателем.

Став одним из ведущих государственных лидеров Абхазии, Басария предпринимает новые шаги по укреплению ее политической и экономической самостоятельности. В качестве иллюстрации деятельности Симона Петровича и возглавляемого им АНС можно привести решение, принятое советом 27 ноября 1917 г., в соответствии с которым «все земли на территории Абхазии: от р. Мзымта до р. Ингура, от Черноморской береговой линии до Кавказских хребтов со всеми их естественными богатствами передать в неотъемлемое распоряжение абхазского народа и народов других национальностей, живущих в Абхазии и имеющих наравне с абхазцами общую собственность»¹⁰.

Одновременно Басария стремился получить внешнюю поддержку. С самого начала Басария проявил себя приверженцем того политического крыла, которое гарантило политическое раз-

вития Абхазии видело в кооперативном единстве с другими северокавказскими народами. Вопрос вхождения Абхазии в Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана дебатировался на съезде абхазского народа и получил поддержку большинства делегатов. Декларация закрепила результаты дебатов. Пункт IV гласил, что «абхазский народ входит в состав Союза объединенных горцев Северного Кавказа, Дагестана и Абхазии — и, конечно, нуждается в том, чтобы поддерживать самую тесную связь со своими северными братьями». В Декларации также выражалась уверенность, что «его братья — горцы Северного Кавказа и Дагестана — поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права». По настоянию Басарии в Конституцию АНС был включен пункт, по которому одна из задач Совета заключалась в «поддержании и укреплении связи абхазского народа с Союзом горцев Кавказа и проведении в жизнь общих политических лозунгов, постановлений и мероприятий Центрального комитета Союза». Однако вряд ли Симон Петрович мог предположить, что именно эта сторона его деятельности в недалеком будущем станет одним из главных пунктов обвинения, которое предъявят ему его палачи.

Между тем положение в Абхазии и вокруг нее ухудшалось. В мае 1918 г. Закавказский комиссариат распался, и 26 мая Грузия объявила о своей независимости. Дипломатическая игра Тифлиса с Берлином и Лондоном привела фактически к установлению англо-германского протектората над Грузией, что взамен давало ей, с одной стороны, гарантии от турецкой экспансии, а с другой — ошутимо укрепляло позиции Тифлиса, в том числе и в его споре с Абхазией. В самой Абхазии большевистские силы дважды предпринимали попытки захватить власть и оба раза — в феврале и апреле—мае 1918 г. — добивались временного успеха. Частая смена власти дестабилизировала ситуацию в крае, порождая чувство неуверенности у населения, усиливала идейно-политическое размежевание абхазской элиты, давала существенные козыри в руки прогрузинской фракции АНС, которой в конце концов удалось сместить Басарию с поста председателя Совета.

Однако, даже оставаясь рядовым его членом, Басария не отступал от своей принципиальной позиции, письменно выступив с протестом против заключения договора между Абхазией и меньшевистским правительством Грузии. «Ввиду того, — заявил он, — что проект договора, предлагаемый Грузинской республикой, носит характер ультимативный, лишаящий возможности обдуманного свободного обсуждения; ввиду того, что важный акт, как предлагаемый договор Абхазии с Грузией, делается на-

спех при ограниченном количестве членов Абхазского Народного совета и без ведома населения Абхазии, которое мыслит свою политическую свободу без всякой опеки с чьей бы то стороны ни было, я предлагаю Абхазскому Народному совету на ультиматум Грузии ответить просьбой дать возможность населению Абхазии устроить Абхазский Национальный съезд, полномочный окончательно определить политическое устройство Абхазии, заверив Грузинскую республику, что Абхазия как самостоятельный национальный организм обязательно вступит в добрососедские договорные союзы и соглашения с Грузией»¹¹.

Отстраненный от власти и преследуемый грузинскими властями, Симон Петрович был вынужден покинуть Абхазию, но, находясь за пределами родины (в Турции, на Кубани), он пытался активно влиять на происходящие там события. В Абхазию он вернулся лишь в декабре 1920 г., при этом его возвращение было оговорено со стороны грузинских властей рядом условий, лишивших его возможности заниматься активной политической деятельностью.

Советским режимом, установившимся в Абхазии в марте 1921 г., Басария востребован не был, да и сам он, чувствуя, видимо, свою чужеродность большевикам, к руководящим должностям не стремился и хвалебные оды новой власти петь не спешил. Впрочем, его отношение к советской действительности отличалось определенной двойственностью. Басария не мог не приветствовать первые шаги большевиков по национально-государственному устройству Абхазии, которая 31 марта 1921 г. была провозглашена независимой Советской Социалистической Республикой. Известная журналистка Зинаида Рихтер, встречавшаяся с Басарией в середине 20-х годов, отмечала, что он «страстный патриот», «всецело на стороне советской власти, которая за национальную независимость»¹².

Однако у советской власти были иные виды на Абхазию. 16 ноября 1921 г. Кавбюро ЦК РКП(б) своим постановлением признало «экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии». Прямым следствием этого решения было подписание 16 декабря 1921 г. союзного договора между ССР Грузия и ССР Абхазия, по которому республике объединялись на федеративных началах. I съезду Советов Абхазии, собравшемуся в феврале 1922 г., предстояло обсудить и утвердить договор и соответственно новый государственно-политический статус республики. Будучи делегатом съезда, Басария предпринял попытку, изначально, впрочем, обреченную, предотвратить губительный, по его мнению, ход событий. Его выступление было столь ярким и глубоко аргументированным, что

взявший заключительное слово по дебатам председатель СНК Абхазии Н.А.Лакоба специально остановился на критике и опровержении основных положений аргументации Басарии¹³.

Однако Басария продолжал оставаться непреклонным противником политического сближения Абхазии с Грузией. Он усматривал в этом угрозу для государственной самостоятельности Абхазии, считал это опасным для этнокультурной самобытности абхазов, рассматривая это сближение как негативный фактор в процессе изменения этнодемографического баланса населения республики. Та же Зинаида Рихтер несколько поверхностно оценила эти умонастроения Басарии, заметив, что «в глубине души его таится историческая неприязнь к грузинам, которая проявляется то в страстных выпадах против грузинских меньшевиков, то в придирах к настоящему грузинскому правительству»¹⁴.

Симон Петрович и в дальнейшем выступал с критикой властей, если их действия не совпадали с его представлениями о насущных нуждах Абхазии. Так, известно его выступление на IV Всеабхазском съезде Советов в марте 1926 г., где он как о большом недостатке говорил о том, что «абхазские дети проходят учение не на родном языке», сетовал на недостаточный приток учительских кадров в средние школы республики, критиковал власти за отток учителей из школ на «общественную и партийную работу»¹⁵.

Все эти вопросы были чрезвычайно близки Симону Петровичу, который все советские годы проработал в системе народного просвещения. В разное время он состоял в правлении Союза работников просвещения, будучи членом президиума Сухумского городского совета, возглавлял созданную при нем секцию народного образования, был членом коллегии Наркомпроса. В последнее десятилетие своей жизни Басария работал заместителем директора, а затем директором Абхазского педагогического техникума, много сил отдавая образованию и воспитанию столь нужных Абхазии молодых учительских кадров.

Симон Петрович выступал и как педагог. Он преподавал в техникуме такие предметы, как страноведение, краеведение и история Абхазии, экономическая география, методика преподавания абхазского языка, методика преподавания географии, педагогика. Басария много трудился над созданием учебной литературы. Он являлся автором учебника по географии Абхазии¹⁶. В нем с большим знанием дела и в увлекательной форме дано последовательное описание исключительно многообразной и живописной природы, народного хозяйства, населения и культуры Абхазии. В доступном школьникам изложении в учебнике раскрыты объективно существующие взаимосвязи и взаимоотношения между отдельными элементами природного ландшафта,

с одной стороны, природой и хозяйством — с другой. Изъятый из обращения после ареста автора, учебник остался единственным в своем роде опытом создания подобного пособия. Его выпадение из педагогического обихода нанесло непоправимый ущерб всей системе постановки краеведческого образования в школьном деле республики.

Интенсивная педагогическая деятельность Басарии сочеталась с краеведческими и историко-этнографическими изысканиями. Для него была очевидной скудость и неразработанность основных проблем научного абхазоведения, которое по сравнению с другими региональными разделами кавказоведения оставалось, по существу, белым пятном в исследовательской литературе. Хотя к началу XX в. и был накоплен определенный историографический объем опубликованных работ, однако их уровень был весьма невысок. Басария резко отзывался о низком научном уровне существовавшей тогда абхазоведческой литературы, не без сарказма критикуя, например, методы «изучения» абхазов, которые практиковались иными бытописателями народа. Так, о В.Н.Желиховской он писал, что она «умудрилась описать жизнь и нравы абхазцев с парохода Русского морского общества»¹⁷. В запальчивости С.П.Басария даже подверг резкой и не во всем заслуженной критике Н.Ф.Дубровина — автора известного труда «Кавказ и народы, его населяющие», в котором есть большой раздел, посвященный абхазам. При этом Симон Петрович высоко отзывался о работах Н.М.Альбова, Н.Г.Рыбинского, К.Д.Мачавариани, но был прав, что даже эти первоклассные по глубине и насыщенности исследования не закрывали зияющие лакуны в этнографическом абхазоведении.

С тем большим энтузиазмом Басария взялся за абхазоведческие исследования. В 1923 г. вышел его главный труд — «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении», в котором автор предпринял попытку обобщить имевшие к тому времени сведения о быте и культуре абхазов, в ряде случаев критически их пересмотрев. В книгу были включены сведения по физической географии края, которыми открывается монография. Кратко, но основательно рассматриваются такие темы, как особенности рельефа территории Абхазии, климат, речная сеть, растительный и животный мир, почвы и др.

Собственно этнографическую часть работы Симон Петрович начинает с этнодемографических данных по «семнадцати национальностям, безболезненно уживающимся на территории абхазского народа»¹⁸. В этот перечень помимо абхазов попали грузины, греки, армяне, русские, эстонцы, немцы и другие этнические группы, населявшие уже в тот период полиэтничный и полиязыковой край.

Значительный полемический заряд содержит раздел, раскрывающий этногенез абхазов. Басария — убежденный сторонник автохтонного происхождения абхазского этноса. Возводя его предков к античным гениохам, он считал ответвлением последних зихов, давших этническое начало адыгским народам, и абазгов, которые, по мнению автора, являлись непосредственными предками абхазов. Следует подчеркнуть, что современными данными подтверждается автохтонность происхождения абхазов на нынешней территории. Не вызывает сомнений и прямая этногенетическая связь между абхазами и позднеантичными абазгами. Однако гениохская проблема еще далека от удовлетворительного разрешения. Скорее всего, этим этнонимом раннеантичные авторы именовали не конкретный этнос, а конгломерат племенных образований, обитавших в Восточном Причерноморье на протяжении последних веков до н.э. В то же время зихи вряд ли имели какое-нибудь отношение к гениохам¹⁹.

Давая общую этнокультурную характеристику абхамам, Басария причисляет их к «западно-горским племенам», видя в адыгских народах их непосредственных родичей. Не отрицая лингвистических расхождений между абхазским и адыгскими языками, Басария отмечает: «Что касается устройства гражданского порядка, общности самобытной культуры, обычаев, то между ними не было абсолютно никакой разницы»²⁰.

Одним из первых Басария попытался определить границы этнографических групп абхазского народа, а также показать их место в довольно запутанной источниками этнонимической номенклатуре Восточного Причерноморья. Симон Петрович обосновывает два уровня последней. В соответствии со своей классификацией собственно абхазов он делит на самурзаканцев, абжуйцев, гумцев, гагринцев, цабальцев и дальцев. В то же время в абхазский этнический мир включаются садзы (джигеты), убыхи и малочисленные горские общины ахчипсовцев, псхувцев, медоцевцев, которые вместе с абхазами образуют некий суперэтнический слой коренного населения региона.

По существу, С.П.Басария впервые отметил наличие лингвистической и этнокультурной непрерывности, отражавшей этногенетическую близость этносов и племенных групп этого района Причерноморья. Отсюда путаница в этнонимах, которая характерна для письменных источников по этому региону Причерноморья. Идеи Басарии об этнокультурной общности населения данной территории позднее пытались обосновать и другие авторы²¹.

Весьма информативные разделы посвящены хозяйственному быту абхазов²². Читателю предоставляются элементарные сведения об основных занятиях в сфере земледелия, скотоводства,

садоводства, виноградарства и виноделия, пчеловодства, охоты.

К сожалению, Басария совершенно не затрагивает проблемы материальной культуры, хотя известно, что он проводил обмеры и зарисовки старинных абхазских жилищ, предметов домашнего обихода, утвари и др. Однако архивных следов этой работы не сохранилось.

Между тем этнографический раздел монографии содержит интересные сведения по религиозному состоянию абхазов. Он начинается с полемических выпадов автора против трудов известного абхазского краеведа Н.С.Джанашии, описавшего в своей работе «Абхазский культ и быт»²³ основные черты абхазского пантеона. По мнению Басарии, сведения Джанашии не соответствуют этнографической действительности. Это относится прежде всего к его попыткам воссоздать многочисленный пантеон традиционных абхазских верований. «Указание Н.Джанашии на бесчисленное количество богов, в которых якобы верует абхаз, полнейший абсурд, — со свойственной ему даже в печатных текстах эмоциональностью восклицает Басария и добавляет: — В одной книжке Джанашии богов разных наименований, кажется, больше, чем самих абхазов»²⁴.

В абхазском пантеоне Симон Петрович выделяет главное божество, к которому обращаются абхазы при совершении сакральных действий. В то же время он подробно описывает типы молений, из которых выделяет два основных по значимости в религиозной жизни — моление фамильным культам и общинное моление по окончании полевых работ.

Басария отмечает религиозную толерантность абхазов, терпимо соединивших в своей религиозной практике элементы традиционных культов с христианскими установлениями. Впрочем, христианство носило здесь весьма неглубокий и поверхностный характер. «Церковь в абхазских селах, — пишет Басария, — открывается на первый день Пасхи и, кажется, Рождества, а в остальные дни абхаз находит, что нет большой надобности посещать ее». Самый популярный христианский праздник у абхазов — это Пасха. Обычно все съезжаются к церкви, а после службы поздравляют друг друга, потом устраивают развлечения: «<...> стреляют из револьверов и винтовок, джигитуют, танцуют и расходятся. Бывая в году раз или два в церкви, абхаз редко слушает до конца службу, обыкновенно во время службы выходит за церковь и начинает вести разговор на общественные темы или рассказывает новости»²⁵.

Столь же равнодушны абхазы и к исламу, установления которого также поверхностно усвоены частью населения. В дни кур-

бан-байрама — единственного мусульманского праздника, который укоренился в местном быту, «мусульмане и мусульманки собираются на большой поляне, к ним присоединяются христиане-абхазы, вместе веселятся, принимают участие в скачках, джигитовке, режут баранов и быков, заливают пиршество этого дня вином»²⁶.

Значительный интерес представляют описания социальных институтов традиционного быта. Автор рассматривает общественную взаимопомощь (супруга) при проведении пахотных работ, в обрядах семейного цикла (в чем проявляется социальная поддержка неимущих членов общины), гостеприимство, являвшееся едва ли не важнейшим институтом традиционного общества. Резко отрицательно Басария пишет о кровной мести. «Этот национальный порок, — отмечает он, — является бедствием для абхазского народа, отдающего массу жизней этому глупейшему, безнравственному обычаю. Ни с какой стороны нельзя оправдать этот бесславный порок»²⁷.

В своей монографии Басария касается и некоторых других сюжетов, в том числе предпринимает попытку дать этнопсихологическую характеристику абхазов.

Книга завершается разделом по экономике Абхазии, где наряду с описанием традиционных хозяйственных занятий автор представил краткий обзор местной промышленности республики. В монографию включены также очерки об исторических и природных памятниках Абхазии, что было актуально в связи с начавшимся курортным строительством и постоянно увеличивавшимся притоком туристов и отдыхающих.

В качестве приложения опубликована библиография по абхазоведению, разделенная автором на тематические разделы, в соответствии с главами книги. Для того периода она достаточно полная, и ее краткость свидетельствует о скудости существовавшей тогда литературы по затронутым автором проблемам. Поэтому выход книги Басарии стал значительным научным прорывом.

Почти восемь десятилетий, прошедших со дня опубликования «Абхазии в географическом, этнографическом и экономическом отношении», позволяют достаточно четко определить ее место в истории научного абхазоведения. Г.А.Дзидзария дал книге весьма суровую оценку. По его мнению, «книга <...> содержит немало ошибочных положений и неприемлемого с точки зрения нашей методологии, современного уровня науки»²⁸. Действительно, с последующим развитием исследований по истории и этнографии Абхазии стали очевидными многие ошибки Басарии. Ряд вопросов трактуются ныне в совершенно иных категориях, наши знания во многом углубились и усовершенствовались, и

на этом фоне некоторые идеи книги выглядят явно устаревшими.

Вместе с тем в книге есть немало идей, выдержавших испытание временем. Нами уже отмечалась плодотворность анализа автором этногенетической и этнокультурной ситуации на данной территории Восточного Причерноморья. Интересны его выводы об исторической динамике соотношения земледелия и скотоводства в хозяйстве абхазов — эти и другие положения автора получили полное признание и дополнительные обоснования и аргументацию в последующих работах по истории и этнографии региона.

Однако в большей степени книга Басария имеет историко-культурное значение. Она оказалась первым изданием, в котором этнография абхазов представлена в монографическом изложении с охватом если не всех, то по крайней мере большинства сторон их бытовой культуры. Источниками книги послужили не компилятивные обзоры предшествующей литературы, а самостоятельные полевые наблюдения, которые фиксировались автором в течение ряда лет. В предисловии к книге Симон Петрович писал, что мечтает о научной литературе, «написанной сынами Абхазии, которые могли бы дать точные сведения о своей родине и народе»²⁹. Своим трудом он во многом положил начало этой традиции.

И в дальнейшем Басария не оставил своих научных занятий. Среди увлекавших его тем особое место занимала абазинская проблема. Еще в годы работы на Северном Кавказе он неоднократно посещал абазинские аулы. В 1928 г. по поручению Абхазского научного общества он ездил в аул Кумско-Лоовский (ныне «Красный Восток»), расположенный вблизи Кисловодска. О результатах экспедиции он докладывал на заседании секции археологии, истории и этнографии Абхазского научного общества, а в 1929 г. вышла его брошюра с обобщенными результатами исследования³⁰.

Один из основных вопросов, поставленных исследователем, касался историко-культурных взаимоотношений абхазов и абазин. Подтверждая уже высказанное к тому времени в литературе предположение об абхазском происхождении абазин, Басария приводит интереснейшие данные полевых опросов стариков-абазин, реконструируя по их преданиям пути выхода абазинских родов с территории Северо-Западной Абхазии. В работе рассматривается внутренняя структура абазинского этноса. Упомянутая в позднесредневековых письменных источниках этнонимическая формула «алтыкесек (шестидольная) абаза» находит подтверждение в наличии шести основных территориальных подразделений абазин, границы которых определены Басарией. У автора немало

наблюдений и над современным ему бытом абазин Кумско-Лоовского аула и их культурными особенностями. При этом сообщаемые факты не всегда соответствуют принятому тогда пастирскому тону (так он сообщает, что до революции в ауле было несколько медресе, теперь, т.е. в период наблюдения в 1928 г., они закрыты, но школы нет ни одной, дети вынужденно нигде не учатся). Касаясь взаимоотношений абазин с окружающим и доминирующим карачаевским населением, Басария отмечает отсутствие каких-либо конфликтных обстоятельств между двумя контактирующими этносами, наоборот, автор свидетельствует о наличии между ними добрососедских взаимоотношений.

Новая работа Симона Петровича не осталась незамеченной. На «Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе» последовала достаточно благожелательная, правда анонимная, рецензия, автор которой говорил, что у Басарии «получилась небольшая, но ценная исследовательская работа». Единственный упрек, который рецензент предъявлял автору, состоял в том, что работе присущи «некоторый академизм и аполитичность». Рецензент советовал автору не забывать, что «абазинский аул по родственным признакам в составе Карачая мог быть только в советское время, что т. Басария мог поехать в Карачай для научно-исследовательской работы только в советское время, что он мог написать и выпустить работу, защищая их интересы, только в советское время, что рецензия о его брошюре могла быть о вреде аполитичности только в советское время»³¹.

Из других исследовательских тем, которыми занимался Басария, следует упомянуть проблему абхазского долгожительства³². В работе «Нарзан на лугах "Шьхашдза" и путь к нему»³³ много сведений из области народных поверий, охотничьих обычаев абхазов, что также характеризует сферу научных интересов Басарии.

Симон Петрович вел большую научно-организационную работу. В 1923 г. он был избран кандидатом в члены Совета Абхазского научного общества (АбНО), а в следующем году становится его членом, в 1925 г. возглавляет работавшую при обществе секцию абхазоведения, а в 1927 г. — секцию истории, археологии и этнографии. Басария принимал активное участие в работе организованной по инициативе Н.Я.Марра Академии абхазской культуры, являясь ее неперемнным членом, членом президиума, входя в руководящий состав ее литературно-издательской секции. Басария сыграл большую роль в создании Абхазского государственного музея краеведения, в формировании и пополнении его фондов. Последнее осуществлялось во время экспеди-

ций, или, как их тогда называли, научных экскурсий, организуемых АБНО и Академией. Постоянным участником «экскурсий» был Симон Петрович, который разрабатывал маршруты, формулировал научные и практические цели экспедиций³⁴.

Истинным увлечением Симона Петровича была абхазская народная песня. Он много сделал для ее возрождения и популяризации, в частности, вошел в специальную группу творческих работников и интеллигенции Абхазии, работавшую над созданием и комплектованием народного абхазского хора, принимал живейшее участие в работах по нотной записи абхазских народных песен, которую проводили композиторы А.Навашин и К.Ковач, сам устраивал этнографические концерты. Об одном из таких концертов сохранилась газетная информация. «Особенностью настоящего вечера, — пишет автор заметки, — было то, что на сцене артисты дали не только номера пения, но и ряд сценок из быта абхазцев». Отмечалось также, что «удачны и необходимы были объяснения, дававшиеся С.П.Басария»³⁵.

С именем С.П.Басарии связано примечательное событие в научной жизни Абхазии и всего Западного Кавказа — Съезд деятелей краеведения Кубано-Черноморской области и Абхазии, состоявшийся в сентябре 1924 г. в Сухуме. Находясь в начале марта того же года в Краснодаре на совещании, обсуждавшем вопрос о перспективах проведения I Регионального краеведческого съезда, делегация Абхазии в составе Г.П.Барача и С.П.Басарии внесла предложение, чтобы местом проведения съезда был выбран г. Сухум. После обмена мнениями было принято решение обратиться к правительству Абхазии с соответствующей просьбой, на которую в короткое время был получен положительный ответ. Работа съезда началась 12 сентября 1924 г. Вступительным словом его открыл председатель СНК Абхазии Н.А.Лакоба, общее руководство работой осуществлял президиум во главе с Н.Я.Марром. Среди участников было много видных деятелей краеведения, историков, этнографов, лингвистов из Краснодара, Тифлиса, Москвы, Ленинграда и других городов и научных центров.

В самый разгар работы — 15 сентября на объединенном заседании президиума съезда и его распорядительного комитета прозвучало предложение С.П.Басарии провести последний день работы научного форума в каком-нибудь абхазском селе. Эта идея была поддержана Н.Я.Марром и остальными участниками заседания, и по предложению опять же Симона Петровича местом проведения выездного заседания было выбрано старинное и большое абхазское село Лыхны. Основная цель выездного заседания усматривалась в том, чтобы «сделать крестьянам как пред-

ставителям абхазского народа, на чьей территории состоялся съезд, полный отчет о работе съезда».

В день приезда ученой делегации все жители села собрались на знаменитой Лыхненской поляне. Выступивший Н.Я.Март говорил о необходимости укрепления связи между учеными и крестьянами, которые призваны в своей работе «материализовать» результаты научных разработок. Он поблагодарил присутствующих. «<...> Без абхазского народа не было бы съезда», — заявил академик.

Затем выступил Симон Петрович. Гостям он рассказал об истории Лыхны, его значении в истории Абхазии, в частности о знаменитой Лыхненской поляне, на которой по традиции абхазы собирались для решения важнейших и насущнейших вопросов национальной жизни. «Лыхненские сходы, — говорил Симон Петрович, — никогда не отменяются, и у абхазов существует поверье, что в назначенные дни собраний в Лыхнах бывает хорошая погода». Хозяевам-лыхненцам Басария рассказал о работе съезда, о его результатах, представил присутствующим прибывших гостей, которые затем познакомились с селом и его жителями.

В целом результаты съезда получили высокую оценку. Отмечалось его значение в «объединении и развитии краеведческой деятельности на Черноморском побережье и в Западном Закавказье», в «постановке изучения местного края и наилучшем использовании местных богатств», в «распространении и популяризации краеведческих знаний». Выдающаяся роль С.П.Басарии в организации и проведении съезда была отмечена особой благодарностью ЦИК и СНК Абхазии³⁶.

Казалось, впереди годы напряженного и увлекательного труда. Однако, как и у многих других представителей его поколения, судьба Симона Петровича круто и трагически изменилась. Захлестнувший страну вал государственного террора не оставлял надежды на спасение, тем более для Басарии, который был слишком заметной фигурой в Абхазии того времени и к тому же отягощен весьма «сомнительным» прошлым: для компетентных органов, естественно, не оставалась тайной ни его бурная политическая деятельность в революционные годы, ни идеи, которым он следовал, ни пресловутая «аполитичность» последних лет.

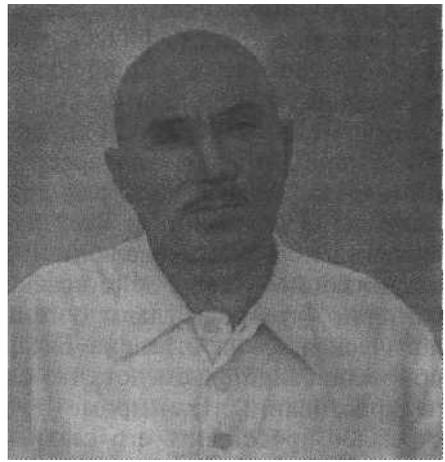
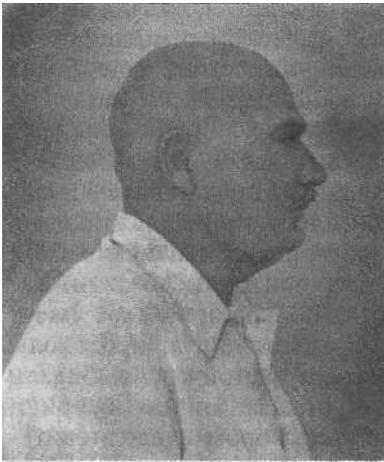
Удивительно, но Басария уцелел в первой большой волне террора, обрушившейся на Абхазию, как и на всю советскую страну, в конце 30-х годов. Но первые признаки страшной «меты» были налицо уже в тот период. В октябре 1937 г. в сухумском партийном офицозе — газете «Советская Абхазия» появилась статья, в которой Басария обвинялся в буржуазном национализме,

идеи которого якобы «протаскивались» в книге «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении»³⁷. В следующем году «Советская Абхазия» поместила еще более разнузданную и доносительскую статью, издевательски назвав ее «Унтер Пришибеев в роли директора»³⁸.

Симон Петрович был арестован в сентябре 1941 г. Вместе с ним аресту подверглись ряд других видных представителей абхазской интеллигенции. Всех их обвинили в принадлежности к «нелегальной контрреволюционной национал-социалистической организации», якобы действовавшей на территории Абхазии. Характерно, что роль главы организации, по крайней мере идеологическая, была отведена Басарии. Сохранившиеся протоколы допросов свидетельствуют, что следователи настойчиво выбивали из арестованных компрометирующие показания на Басарию, стремясь представить его главным организатором и вдохновителем мифической «организации».

О том, что следствие рассматривало Басарию в качестве главного обвиняемого, свидетельствует и другой факт. Большинство арестованных, проходивших по делу вместе с ним, были расстреляны уже в декабре 1941 г. В отношении же Басарии вынесение приговора было задержано. Он был этапирован в Тбилиси, где продолжились изнуряющие допросы. Наконец разыгрываемый сценарий подошел к концу. 8–9 мая 1942 г. в Тбилиси проходило закрытое заседание Военного трибунала НКВД Грузии, который приговорил Басарию С.П. «к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией имущества». В архивных документах сохранилось указание, что приговор был приведен в исполнение 27 мая того же года³⁹.

Характерно, что имя Басарии было использовано сухумскими чекистами и в дальнейшем. В архиве НКВД/КГБ республики сохранились материалы, свидетельствующие о том, что карательные органы готовили в Абхазии новый виток репрессий, который должен был уничтожить последних оставшихся в живых представителей абхазской интеллигенции. По всей вероятности, арестованных социалисты обвинить в принадлежности к тайной организации националистического толка. Именно об этом свидетельствует архивный документ 1947 г. «Справка о контрреволюционно-националистическом движении в Абхазии»⁴⁰, в котором министр государственной безопасности Абхазской АССР генерал-майор И.А.Гагуа намечал для следствия основные этапы «истории» этой организации. Для нас «Справка» интересна тем, что в ней вновь упоминается С.П.Басария. Документ проливает свет и на характер обвинений, которые предъявлялись ему во время следствия и суда.

С.П.Басария. Фото из следственного дела

Приведем некоторые отрывки, сохраняя неповторимый стиль и уникальную лексику документа. «Басария Семен (так в тексте. — Ю.А.) Петрович, 1884 г. рождения, уроженец с. Квитаули⁴¹ Очамчирского района Абхазской АССР, с высшим образованием, по специальности педагог (осужден в 1941 году), в 1917 году прибыл в Сухуми из Северного Кавказа, где он работал до Февральской революции в качестве педагога среди горцев.

Будучи узким и большим абхазским националистом, ищущим для Абхазии государственной самостоятельности в соединении с горцами Северного Кавказа, приступил к практической деятельности по осуществлению своих намерений.

Первым его шагом в этом направлении был всеабхазский съезд мирян и духовенства, организованный им и в котором он принял руководящее участие. Съезд проходил под его председательством, и решения были приняты по его предложениям. Он ставил вопрос об отделении абхазского духовенства и церкви от грузинского. Басария тогда добился принятия съездом резолюции об отделении абхазской церкви от грузинской <...>.

После этого Басария подготовил и организовал первый всеабхазский съезд с участием представителей Северо-Кавказских горцев Шериповым и другими, на котором стоял вопрос о национальном органе и государственном оформлении Абхазии.

На съезде Басария внес предложение войти в Северо-Кавказское объединение горцев, что и было принято съездом <...>.

После установления Советской власти Басария был назначен на руководящую работу в системе Народного Комиссариата просвещения. В 1923 г. он выпустил книгу под названием "Абхазия в географическом, экономическом и этнографическом отношении". Книга эта, особенно в исторической части и по национальному вопросу, являлась программой Басария в национальном вопросе Абхазии. Будучи ненавистным врагом Грузии, он старался быть со всеми, только не с грузинами.

Басария С.П., используя свое служебное положение, начал прививать свои взгляды абхазской учащейся молодежи, с которой он имел непосредственное соприкосновение как директор абхазской десятилетки <...>.

Басария С.П. и Тарнава Михаил Иванович⁴², не соглашаясь с мероприятиями Советской власти в Абхазии и выражая свое недовольство по вопросу переселенческих колхозов и введения грузинского алфавита, пришли к выводу, что настал момент, когда можно осуществить мечту с помощью фашистской Германии, для чего решили сплотить подходящую группу из числа контрреволюционно-националистически настроенной интеллигенции с тем, чтобы с вступлением немецких войск в Абхазию взяться за свое национальное дело — отделение Абхазии от Грузии <...>.

В сентябре месяце 1941 года все они в количестве 20 человек были арестованы и осуждены».

Далее министр утверждал, что «в настоящее время в Абхазии проживают замешанные в той или иной степени в этом контрреволюционном буржуазно-националистическом движении (лица), которые не были привлечены к ответственности в свое время по непонятным нам причинам». Страшно читать следующий ниже список, в котором поименованы более двух десятков известнейших в Абхазии лиц, в числе которых народный поэт Абхазии Д.И.Гулиа, а также ставшие впоследствии видными учеными-абхазоведами историк Г.А.Дзидзария, лингвист К.С.Шакрыл, этнограф Ш.Д.Инал-ипа. По счастью, система дала какой-то сбой и замышлявшиеся аресты и расстрелы не состоялись.

В период десталинизации Басария был полностью реабилитирован. Однако возвращение из бездны несколько затянулось. Лишь 7 августа 1958 г. военная коллегия Верховного Суда СССР отменила все судебные решения в отношении С.П.Басарии и других осужденных лиц и постановила прекратить дело за отсутствием состава преступления. Понадобились еще два с половиной года, чтобы появилось первое печатное упоминание о Басарии, в котором Симон Петрович наряду с другими был назван «выдающимся деятелем просвещения»⁴³.

Отныне стало возможным и возвращение к его научному и публицистическому наследию. Оно небольшое, однако в истории абхазоведения оно навсегда останется важным этапом научного осмысления многих проблем историко-этнографического прошлого Абхазии. Остановленный в середине пути, в расцвете творческих и интеллектуальных сил, С.П.Басария не совершил многого, что было, вероятно, отпущено ему по жизни, в том числе и в сфере научных изысканий. Выпуская в свет свою работу по абазинскому аулу, он указывал, что это лишь часть материалов «по изучению абхазских племен, над чем я работаю»⁴⁴. Завершить работу ему не довелось.

Личность Симона Петровича Басарии во многом типична для поколения национальной советской интеллигенции, с энтузиазмом трудившейся на ниве культурного возрождения своих народов. Но столь же типична и ее трагическая судьба, которую разделил С.П.Басария.

¹ О биографии С.П.Басарии см.: *Дзидзария Г.А.* Видный деятель абхазской культуры. — Советская Абхазия. 7.XII.1984; *он же.* С.П.Басария. — *С.П.Басария.* Избранные сочинения. Сухуми, 1967; *он же.* О жизни и деятельности Симона Басарии. Биографический очерк. — Симон Басария. Сухуми, 1984; опубликованы воспоминания жены: *Тусишвили-Басария В.Н.* Симон Басария. Сухуми, 1971 (на абх. яз.).

² Большинство печатных работ С.П.Басарии, разбросанных по кавказской периодике начала XX в., были выявлены и опубликованы Г.А.Дзидзарией в двух изданиях: *Басария С.П.* Избранные сочинения. Сухуми, 1967; Симон Басария. Биографический очерк. Статьи. Сухуми, 1984. В дальнейшем работы С.П.Басарии будут цитироваться по этим изданиям.

³ *Басария С.П.* Забытый край. — Избранные сочинения, с. 19.

⁴ Клеймо «виновного населения» было официально снято с абхазов рескриптом Николая II в 1907 г. в благодарность за «неучастие в противоправительственных смутах 1905 года».

⁵ *Басария С.П.* Опять в Абхазии. — Избранные сочинения, с. 29.

⁶ Симон Басария. Биографический очерк, с. 41.

⁷ С докладом по этому вопросу на съезде выступал известный абхазский деятель М.И.Тарнава. Изложение основных положений см.: *Тарнава М.И.* Краткий очерк истории абхазской церкви. Сухум, 1917.

⁸ Самурзакан — историческая область Абхазии, расположенная на крайнем востоке края, где традиционно было сильно этническое и культурное влияние грузин (мегрелов).

⁹ Тексты документов съезда цитируются по публикации в газ. «Вперед» (8.XII.1917).

¹⁰ Вперед. 8.XII.1917.

¹¹ Цит. по: История Абхазии. Главный ред. С.З.Лакоба. Гудаута, 1993, с. 297.

¹² *Рихтер З.* Кавказ наших дней. 1923—1924. М., б.г., с. 112—113.

¹³ *Лакоба Н.А.* Статьи и речи. Сухуми, 1983, с. 28.

¹⁴ *Рихтер З.* Кавказ наших дней, с. 113.

¹⁵ Выступление С.Басарии на IV Всеабхазском съезде Советов. — Советская Абхазия. 18.III.1927.

¹⁶ Последнее издание по времени выпуска: *Басария С.* Учебник по географии Абхазской АССР. 3-е, испр. изд. Сухуми, 1937.

¹⁷ *Басария С.П.* Забытый край. — Избранные сочинения, с. 20.

¹⁸ *Басария С.П.* Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум—Кале, 1923, с. 37.

¹⁹ *Инал-ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

²⁰ *Басария С.П.* Абхазия, с. 37.

²¹ *Анчабадзе Ю.Д.* Абза (к этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа). — Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Вып. VIII.

²² В монографии описание традиционных хозяйственных занятий абхазов дается не в этнографическом разделе, а включено в главу по экономике.

²³ *Джанашия Н.С.* Абхазский культ и быт. — Христианский Восток. Т. V. СПб., 1916.

²⁴ *Басария С.П.* Абхазия..., с. 58. Между тем в своей запальчивости С.П.Басария оказался не во всем правым. Позднейшие исследования традиционной мифологии абхазов показали правоту Н.С.Джанашии, которому удалось зафиксировать реально функционировавшие в народном религиозном сознании имена богов и их функциональные «обязанности». См.: *Инал-ипа Ш.Д.* Абхазы. Сухуми, 1965; *Акаба Л.Х.* У истоков религиозной мифологии абхазов. Сухуми, 1980.

²⁵ *Басария С.П.* Абхазия..., с. 58.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 71.

²⁸ *Дзидзария Г.А.* С.П.Басария. — *С.П.Басария.* Избранные сочинения, с. 15.

²⁹ *Басария С.П.* Абхазия..., с. 11.

³⁰ *Басария С.П.* Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе (К материалам по изучению абхазских племен). Сухум, 1929; эта работа была включена в кн.: *Басария С.П.* Избранные сочинения, с. 80—105.

³¹ Рецензия опубликована в журнале: Революция и горец. 1930, № 5, с. 79—80.

³² *Басария С.П.* Редкие случаи долголетия в Абхазии. — Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения. Сухуми, 1934. Вып. II, с. 99—118; включено в «Избранные сочинения» (с. 43—66).

³³ Известия Абхазского научного общества. Сухум, 1930. Вып. I, с. 2—12; включено в «Избранные сочинения» (с. 67—77).

³⁴ Экскурсии Абхазского научного общества. — Голос Трудовой Абхазии. 6.VI.1923; *Басария С.П.* Наш Кисловодск. — Там же. 21.VIII.1924; Работа Госмузея. — Советская Абхазия. 18.II.1930; Экспедиция АБНО и Академии Абхазского языка. — Там же. 26.VI.1930.

³⁵ *Батанов.* Музыку и пение — в массы трудящихся. — Советская Абхазия. 30.XII.1927.

³⁶ Краеведческий съезд и его значение для Абхазии. — Голос трудовой Абхазии. 12.IX.1924. Отчет хозяину съезда — абхазскому народу. Революционный почин краеведческому съезду. — Там же. 17.IX.1924. Ученые и крестьяне. — Там же. 24.IX.1924.

³⁷ *Ленский С.* Буржуазный националист. — Советская Абхазия. 15.X.1937.

³⁸ Унтер Пришибеев в роли директора. — Советская Абхазия. 11.XI.1938.

³⁹ *Пачулиа В.* Как осуществлялся геноцид в малой империи. — Республика Абхазия. 1999, № 145.

⁴⁰ Документ опубликован: Абхазский архив. XX век. М., 2002. Вып. I, с. 72—80.

⁴¹ Официально употреблявшаяся в те годы грузинизированная форма абхазского наименования родного села С.П.Басарии Кутол.

⁴² *Тарнава М.И.* (1895—1941) — абхазский общественный и политический деятель, историк, публицист. Репрессирован вместе с С.П.Басарией.

⁴³ *Тарба Б.* Просвещение — народу. — Советская Абхазия. 11.I.1961.

⁴⁴ *Басария С.П.* Абазинский аул. — Избранные сочинения, с. 80.